

за»¹. Как «поэт науки» Д. Д. Благой выступает и в рецензируемой книге. Автор мыслит не только понятиями, но и художественными образами. Ему свойственны особая свободная раскованность научной речи и живое художественное воображение. Так, говоря о Байроне и Пушкине, Д. Д. Благой пишет: «Выйти из сферы байроновского притяжения» помогла Пушкину «могучая сила тяготения, исходившая из других грандиозных звездных миров — Шекспира, Гете, Данте» (с. 51). А рисуя психологические переживания Пушкина, оразившиеся в «Бесах», Д. Д. Благой замечает: «Все сущее предстает поэту как некий вихрь мировой бессмыслицы» (с. 145). Там же поэт Д. В. Венивитинов назван «Ленским русско-й литературы». В книге много эпиграфов, создающих особое, нужное исследователю читательское настроение. Вся книга в целом воспринимается не только как научный труд, но и как художественное произведение. И вместе с тем книга производит впечатление «доверительного» разговора с читателем. Этому способствует то, что в книге нет академического «мы» (типа «Мы уже говорили»), а есть только живое и свободное «я» (типа «Я уже говорил»).

Можно, конечно, сделать и некоторые критические замечания. Рассказывая о

¹ Перцов В. О. Поэт науки. — В сборнике к 80-летию Д. Д. Благого «Искусство слова». М., 1973, с. 157. См. там же: Гельгардт Р. Р. О стиле научной прозы (по наблюдениям над текстами литературоведческих исследований Д. Д. Благого), с. 16—28.

О. В. Творог ов. Древнерусские хронографы Л., «Наука», 1975, 320 с.

Хронографы — средневековая «всеобщая история» — были одним из излюбленных жанров в Древней Руси. Наряду с древнерусскими летописями они пользовались большим авторитетом, создавались и переписывались с XI в. до конца XVIII в.

Хронографы сыграли существенную роль в расширении исторического и литературного кругозора древнерусских читателей. Через посредство хронографов они познакомились с историей стран Востока, с историей Греции, Рима и Византии, с сюжетами античного эпоса (в хронографах читались различные версии преданий о Троянской войне, излагались античные мифы), с эллинистическим романом об Александре Македонском. В составе Хронографа на Руси распространилось Житие Константина и Елены, Сказание о построении Софии Цареградской и ряд других византийских литературных памятников.

том, что Батюшков «резко ополчился на некоторые грубые, как он считал, звуки», Д. Д. Благой пишет: «„Есть еще хорошие буквы Р, Ш, Щ“, — едва ли не в прямой полемике с батюшковской „итальянизацией“ провозгласит более ста лет спустя Маяковский» (с. 182). Я думаю, что «прямой полемикой» здесь быть не могло: высказывание Батюшкова о «грубых звуках» содержится в его письме к Гнедищу 1811 г., которое вряд ли знал Маяковский. На стр. 373 Д. Д. Благой называет пушкинское послание «В Сибирь» «оптимистическим». Но стоило сказать, что представляет собой конец этого послания («Оковы тяжкие падут,/Темницы рухнут» и т. д.) — веру в грядущую революцию или надежду на освобождение декабристов Николаем I. Стоило бы также указать источники некоторых заглавий. Так, заглавие «Погибельное счастье» (с. 375) взято из оды Пушкина «Наполеон», но это знает только достаточно «искушенный» читатель.

Но это мелочи. Книга Д. Д. Благого заслуживает высокой оценки и является его большой удачей. Создать такую книгу ему позволила огромная любовь к Пушкину. И как бы подытоживают содержание книги слова Д. Д. Благого о величии Пушкина: «Да, Пушкин был Пушкиным и сам сознавал это ... подобно величайшему итальянскому поэту (т. е. подобно Данте. — Н. Ф.), он ... стал величайшим русским национальным поэтом и тем самым на равных правах вошел в сверхбратство гениев, в созвездие немногих имен: Гомер, Данте, Шекспир, Гете, Пушкин» (с. 162).

Н. В. Фриджан

Несмотря на обилие дошедших до нас списков древнерусских хронографов, их изучение и использование в качестве источников исторических сведений началось значительно позднее, чем летописей. М. В. Ломоносову были известны хронографы, находившиеся в Библиотеке Петербургской Академии наук¹. Н. М. Карамзин, приступивший к работе над «Историей государства Российского» в 1803 г., писал в «Предисловии» к т. 1 о хронографах: «Так называемые Хронографы, или Всеобщая история по Византийским летописям со внесением нашей, весьма краткой. Они любопытны с XVII века: тут уже много подробных современных известий, которых нет в лето-

¹ См. Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971, с. 80, 102, 233.

писях»². В примечании Н. М. Карамзин отмечает: «Донныне еще не издано ни одного Хронографа; они разных сочинителей и тем любопытнее»³. Несмотря на то что Н. М. Карамзин знал некоторые древнерусские хронографы, в числе которых был «Спасо-Ярославский хронограф» со «Словом о полку Игореве», он почти не привлек их в известной своей «Истории».

Одной из причин этого является, по-видимому, чрезвычайная сложность использования хронографов, дошедших в огромном количестве списков разнообразных сводов и редакций, а также значительный объем памятников этого жанра, переписанных, как правило, в рукописях большого формата (in folio) и насчитывающих не менее 400 листов рукописного текста.

Первое фундаментальное исследование древнерусских хронографов появилось в 1866 г., когда А. Н. Попов опубликовал «Обзор хронографов русской редакции» — для своего времени значительный труд, в котором были описаны обе редакции Летописца Еллинского и Римского и основные редакции Русского хронографа. В последующих трудах А. А. Шахматова, В. М. Истрина, С. П. Розанова, Д. С. Лихачева, Н. А. Мещерского и Б. М. Кюсса был сделан большой вклад в изучение хронографических сводов и отдельных хронографов.

Монография О. В. Творогова «Древнерусские хронографы» — первое обобщающее исследование, в котором автор не столько подводит итог всем разысканиям в области русской хронографии, вводит в научный оборот новые редакции и списки, сколько подвергает пересмотру и уточнению почти все основные проблемы русской хронографии.

Следует отметить особенность композиции книги: автор избирает весьма удачный прием сочетания исследования, рассчитанного на широкий круг ученых, интересующихся русскими хронографами, и материалов, адресованных узкому кругу специалистов.

Книга состоит как бы из трех «этажей».

1-й «этаж» занимает изложение результатов изучения О. В. Твороговым русских хронографических сводов, этапы эволюции хронографического жанра на протяжении XI—XVI вв.

2-й «этаж» состоит из глав, посвященных отдельным хроникам и хронографам. Он содержит полную текстологическую аргументацию.

3-й «этаж» содержит подробное пофрагментное описание хронографической части хронографических палей и важнейших хронографических сводов XIV—XV вв.: Троицкого хронографа и Еллинского летописца первой и второй редакции.

Книга состоит из восьми глав. Гл. I содержит обзор результатов исследования

хронографов и наблюдения над эволюцией хронографов как жанра. В гл. II изложены результаты изучения Хронографа по великому изложению (далее — Хр. по ВИ). Так как полный текст Хр. по ВИ, повлиявший на Начальный летописный свод, дошел до нашего времени частично в составе Троицкого хронографа, Полной и Краткой хронографических палей и Еллинского летописца второй редакции (далее — ЕЛ-2), О. В. Творогов реконструирует текст Хр. по ВИ на основании названных памятников и выдвигает гипотезу о существовании трех разновидностей Хр. по ВИ: ко второй из них восходит Троицкий хронограф; к третьей, второй, — ЕЛ-2 и обе палеи. Стемма № 1 (стр. 50) убедительно аргументируется последующими текстологическими доводами, которыми вносятся поправки к выводам В. М. Истрина относительно источников Хр. по ВИ. В этой же главе О. В. Творогов ставит вопрос о характере известной о событиях русской истории, находившихся в Хр. по ВИ. Он полагает, что там находилось сообщение о походе Игоря на греков. Хр. по ВИ заканчивался, как и его источник — Хроника Амартола, рассказом о смерти византийского императора Романа в 948 г. О. В. Творогов показывает, что Хр. по ВИ содержал вставки из Хроники Малалы и неизвестного нам сочинения по истории Иудеи в эпоху римского владычества. Текст Хр. по ВИ сопровождался устойчивым «конвоем», в который входили книги пророка Даниила с толкованиями Ипполита, книга Иеремии, Сказание о постройке Софии Цареградской, Житие Константина и Елены, Александрия особой редакции и другие памятники. Все они использовались позднее составителями различных хронографических компиляций наряду с Хр. по ВИ.

Гл. III посвящена исследованию Троицкого хронографа, известного А. А. Шахматову в двух списках. О. В. Твороговым обнаружен еще один список, хранящийся в ГПБ, переписанный на рубеже XV—XVI вв. Сопоставление состава списков и изучение источников этой хронографической компиляции позволяют исследователю высказать ряд интересных наблюдений над этими малоизвестными памятниками, значительно уточнивших краткие сведения о них, приведенные А. А. Шахматовым.

Новые наблюдения и выводы о взаимоотношении славянского перевода Хроники Георгия Амартола с различными русскими хронографическими сводами содержит IV гл. книги О. В. Творогова. Он вносит значительные поправки в построение В. М. Истрина. Иначе, чем у В. М. Истрина, представлена и схема взаимоотношения редакций Хроники; очень существенным является соображение о существовании Хронографической редакции русского перевода Хроники, отличной от редакции, известной нам по отдельным ее спискам.

О. В. Творогов показывает, что одна из

² См. Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 1, изд. 4-е. СПб., 1833, с. XXXIII.

³ Там же, примеч. 2.

разновидностей второй редакции Хроники подверглась влиянию других русских хронографических сводов, в частности Еллинского летописи второй редакции.

Гл. V посвящена исследованию древнерусских памятников, называемых в рукописях «Летописец еллинский и римский». Первый исследователь этих произведений — А. Н. Попов указал в своей монографии шесть списков «Летописца еллинского и римского». О. В. Творогов известно тринадцать списков этого памятника, не считая фрагментов, находящихся в составе различных хронографических компиляций.

Одной из важнейших проблем изучения Еллинского летописца первой и второй редакции является вопрос о взаимоотношении обеих редакций и их отношении к архетипному тексту памятника. А. Н. Попов и В. М. Истрин полагали, что ЕЛ-2 восходит к ЕЛ-1.

Текстологическое исследование всех известных списков Еллинского летописца привело О. В. Творогова к другим выводам: ЕЛ-1 и ЕЛ-2 восходят к общему источнику, хронографическому своду — архетипу, в котором находилась вводная часть, представляющая собой компиляцию Хроники Амартола и Хроники Малалы. И если списки так называемой первой редакции сохранили в значительной мере архетипный текст Еллинского летописца, то вторая редакция самым существенным образом переработала его, дополнив новым источниками и придав ему ту форму деления текста на статьи, которая будет использована затем в Русском хронографе.

Последний компонент ЕЛ-2 составляют статьи, относящиеся к русской истории. О. В. Творогов высказывает предположение, что источником их была общерусская летопись, близкая по типу своду 1448 г. Верхней границей датировки ЕЛ-2 является 1453 г. — дата написания старейшего из датированных списков (БАН, Арх. № 7) — второй редакции Хроники Амартола, испытавшей влияние Еллинского летописца второй редакции.

Комплексное исследование трех редакций Русского хронографа (редакции ЕЛ-1, Западнорусской редакции и Пространного хронографа — архетипа редакций 1599 и 1601 гг.) составляет содержание VI, VII и VIII глав книги О. В. Творогова.

Если Б. М. Кlossу, доказавшему, что источником Русского хронографа является сокращенный свод конца XV в., удалось решительно поколебать традиционную точку зрения (А. А. Шахматова), согласно которой Русский хронограф был создан Пахомием Логофетом в середине XV в., то О. В. Творогов убедительно показывает, что не существовало гипотетической редакции, к которой будто бы восходили и редакция 1512 г., и Западнорусский хронограф; он показывает ошибочность расчета лет, приведенного А. А. Шахматова к установлению даты 1442 г. как даты создания первой редак-

ции хронографа, и предлагает — текстологически неопроверженно — иную схему взаимоотношения редакций: и Западнорусский хронограф, и Пространный восходят не к неизвестной нам древнейшей редакции хронографа, а к Сокращенному и Погодинскому видам Хронографа 1512 г. Это один из важнейших выводов книги, позволяющий по-новому взглянуть на историю русской хронографии.

Анализ использования источников по всемирной истории позволяет О. В. Творогову образно охарактеризовать работу составителя русского Хронографа 1512 г. Он пишет: «Задачей составителя Хронографа было создание исторической энциклопедии, при этом выходящей за узкие рамки историографической концепции «Израиль — Рим — Византия» или ее модернизированной формы, уже чисто христианской «триады» — «Рим — Византия — Русь». Хронист стремился всемерно расширить исторический кругозор своего труда, одновременно, по необходимости, сжимая его в объеме»⁴. Хронограф «по своим задачам и замыслу составителя был прежде всего серьезным историографическим трудом»⁵.

Но в каких кругах возник русский Хронограф 1512 г.? Кто мог быть его автором? О. В. Творогов не ставит эти вопросы, оставляя их для дальнейшего исследования. Но вместе с тем он приводит гипотезу А. А. Седельникова, связывавшего работу над Хронографом 1512 г. с именем носифлянина Досифея Топоркова. По-видимому, целесообразно подумывать и о возможной принадлежности к работе над этим Хронографом монаха Псковского Елеазарова монастыря Филофея, сформулировавшего в своих посланиях политическую теорию «Москва — третий Рим». О. В. Творогов полагает, что задача составителя Хронографа 1512 г. выходит за рамки христианской «триады» «Рим — Византия — Русь». И действительно, полемическое и историографическое значение Хронографа шире этой «триады». Но вместе с тем эта идея (скорее политическая, чем религиозная), безусловно, присутствует в Русском хронографе 1512 г., что особенно явственно можно видеть в заключительной части повествования после рассказа о падении Константинополя в 1453 г. под ударами турок: «...мнози грѣхъ ради наших божиим поущением безбожнии турки поплѣниша и в запустѣние положиша и покоршиша под свою власть. Наша же Российская земля божиею милостию и молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ чудотворцовъ растѣтъ и владѣтъ и возвышается и распростирается»⁶. Вспомним, что писал в

⁴ Творогов О. В. Древнерусские хронографы, с. 41.

⁵ Там же, с. 42.

⁶ Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 года. — Полн. собр. рус. летописей, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, с. 439—440.

первых десятилетиях XVI в. старец Филофей: «...все христианские царства преидоша в конец и свидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Российское царство. Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти...».

О Хронографе 1512 г., по-видимому, можно говорить не как о своде, а как о едином историографическом произведении, воплотившем передовые политические идеи начала XVI в. — времени расцвета и утверждения русской государственности.

Одавая должное большому материалу, собранному в книге, и важнейшим выводам, существенно меняющим традиционные представления об истории текста и времени возникновения основных памятников русской хронографии — Хронографа по великому изложению, Троицкого хронографа, Еллинского летописца обеих редакций и редакций Русского хронографа, мы должны тем не менее отметить, что некоторые из вопросов, поставленных в книге, требуют еще дальнейших углубленных разысканий.

Так, видимо, следует продолжить исследование редакций славянского перевода Хроники Георгия Амартола; выводы О. В. Творогова не во всех деталях в равной степени убедительны; следует более глубоко изучить источники Русского хронографа — вопрос о близости статей о русских событиях в Хронографе и Никоновской летописи поставлен, но не решен. Должна быть продолжена текстологическая работа по установлению архетипного вида Хронографа редакции 1512 г.: О. В. Творогов указал на спор-

ность признания архетипным Основного (по С. П. Розанову) вида, на наличие ряда лучших чтений во вновь исследованных списках Воскресенского вида, но эта работа должна быть завершена, для чего необходимо тщательно проанализировать все доступные нам списки редакции 1512 г.

Но отмеченные недостатки — это задачи для продолжения исследований. В целом же мы можем с уверенностью констатировать, что книга О. В. Творогова — результат громадного труда, итог текстологического изучения более чем десятка обширных хронографических сводов в их многочисленных списках, многие из которых выявлены и впервые введены в научный оборот именно в процессе написания рецензируемой работы. Книга О. В. Творогова — это новое слово в науке о литературе, историографии и культуре Древней Руси, это фундамент дальнейшего изучения русских хронографов и хронографических компиляций разных типов.

Одной из неотложнейших задач, которая может быть поставлена после выхода книги О. В. Творогова, является задача публикации исследованных им хронографических сводов. Программа и принципы таких публикаций намечены О. В. Твороговым⁷; особое значение имело бы издание таких важнейших для древнерусской историографии сводов как Троицкий хронограф и Летописец Еллинский и Римский.

Г. Н. Моисеева

⁷ Творогов О. В. Задачи и перспективы издания хроник и хронографов. — В кн.: Летописи и хроники. М., 1976, с. 189—202.

Д. Максимов. Пoesия и проза Ал. Блока. «Советский писатель», Л., 1975, 525 стр.

Книга о Блоке, принадлежащая перу известного исследователя и знатока русской литературы начала XX в., представляет собой своеобразный итог многочисленных и плодотворных разысканий автора в изучении творческого наследия одного из крупнейших русских лириков. Не являясь монографическим исследованием в собственном смысле слова, книга вместе с тем дает цельное представление о Блоке не только как о поэте и авторе статей, занимающих срединное положение между лирической прозой и критикой в общепринятом понимании, но и как о неповторимой творческой индивидуальности.

Книга состоит из двух главных разделов, вокруг которых группируются дополнительные материалы. Первый раздел «Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока», второй — «Критическая проза Блока». Оба они уже были опубликованы ранее порознь в сокращенном

виде в тартуских «Блоковских сборниках». Ныне эти работы дополнены, объединены внутренней концепцией, раскрывающей содержательные представления автора о Блоке как поэтической личности. Значение книги Д. Е. Максимова состоит прежде всего в том, что развитие Блока, его роль как поэта и критика-публициста, рассматривается не изолированно и даже не только в соотношении с поэтическим движением эпохи, а в связи с общим направлением литературных исканий конца XIX — начала XX в. Блок выступает в книге Д. Е. Максимова как важнейшее и характернейшее явление истории всей русской литературы исследуемого периода. Такая попытка предпринимается впервые. Она увенчалась успехом, благодаря чему наши представления о Блоке значительно расширились и углубились.

Подлинным открытием Д. Е. Максимова явился первый раздел книги. Здесь